

На правах рукописи

ДЖИГКАЕВ Алан Хасанович

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
ЮЖНОЙ АЗИИ**

Автореферат
Диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Специальность: 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Научный руководитель:
доктор политических наук
Плотников Николай Дмитриевич

Москва – 2025

Работа выполнена в Центре научно-аналитической информации Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт востоковедения РАН

Научный руководитель:

Плотников Николай Дмитриевич,
доктор политических наук, доцент,
заведующий Центром научно-аналитической
информации Института востоковедения РАН,
член научного совета при
Совете Безопасности РФ

Официальные оппоненты:

Рогожина Наталия Григорьевна,
доктор политических наук, доцент,
главный научный сотрудник
Группы региональных политических
проблем стран Востока и Юга,
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Голубцова Екатерина Вячеславовна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
средневосточных языков
факультета иностранных языков
Военного университета
им. Князя Александра Невского МО РФ

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «**Казанский (Приволжский)
федеральный университет**»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2025 года в _____ часов на заседании диссертационного совета 24.1.033.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт Африки Российской академии наук» по адресу: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН «Институт Африки РАН» по адресу: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, <https://www.inafran.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
Кандидат политических наук

Грибанова В.В.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования проблемы международного терроризма в Южной Азии определяется интенсификацией террористической активности как в глобальном масштабе, так и в пределах самого региона. Южная Азия отличается сложной геополитической ситуацией, вызванной наследием затяжных конфликтов, этноконфессиональным разнообразием и острыми социально-экономическими противоречиями, что делает регион особенно уязвимым к проявлениям радикализма и насилия.

Кроме того, в Южной Азии наблюдается интенсификация террористической активности. В регионе произошла качественная трансформация угрозы после 2021 года. Изменение политической ситуации в Афганистане привело к перераспределению ресурсов радикальных группировок, что повлияло на конфигурацию рисков для соседних государств, в первую очередь Пакистана.

Ситуацию усугубляет деятельность международных террористических организаций (МТО), которые используют внутренние конфликты и слабое социально-экономическое положение в странах региона для укрепления своих позиций. Это подрывает устойчивость национальных систем безопасности, препятствует развитию и дестабилизирует отношения стран региона.

Согласно Глобальному индексу терроризма Института экономики и мира¹, Южная Азия остается наиболее уязвимым регионом мира в контексте террористической угрозы. Это обуславливает необходимость выявления специфики террористической активности именно в странах данного региона. Особую обеспокоенность вызывает деятельность таких террористических организаций, как «Аль-Каида»² и «Исламское государство – Вилаят Хорасан» (ИГ-Х)³, которые, базируясь в Южной Азии, осуществляют атаки и за ее пределами.

Одновременно с этим одним из ключевых вопросов в борьбе с терроризмом остается отсутствие согласованного международного определения термина «терроризм», что затрудняет унификацию правовых подходов и ограничивает возможности для межгосударственной координации.

На этом фоне актуальным становится анализ национальных и региональных стратегий противодействия терроризму, особенно в условиях постоянно меняющейся обстановки. Крайне актуальным является изучение потенциала Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как площадки для сотрудничества ключевых государств региона: Индии и Пакистана.

В этом заинтересованы все государства-члены, поскольку международный терроризм

¹ Global Terrorism Index 2024 // Institute for Economics & Peace. – URL: <https://www.economicsandpeace.org/reports/> (accessed: 12.01.2025).

²Здесь и далее – террористическая организация, запрещенная в России.

³Здесь и далее – террористическая организация, запрещенная в России.

угрожает не только Южной Азии, но и другим регионам. Деятельность международных террористических организаций, базирующихся в Южной Азии, имеет трансграничные последствия. Их атаки затронули многие страны, включая Россию. Так, исполнители нападения на подмосковный «Крокус Сити Холл» в марте 2024 г. были связаны с ИГ-Х. Этот и другие эпизоды показывают, что терроризм не сводится к проблеме одного государства: он подрывает безопасность всего мирового сообщества и требует коллективного ответа.

Южная Азия в этом плане показательный регион. Высокий уровень террористической опасности здесь носит затяжной характер. Поэтому особенно актуально понять, какие внутренние и внешние причины поддерживают устойчивость террористической активности.

Отдельное внимание следует уделить социально-демографической структуре региона. Высокая доля молодежи, неустойчивость занятости, неравномерный доступ к образованию и базовым услугам в сочетании с быстрым ростом городских агломераций формируют среду, благоприятную для распространения радикальных идей.

Для России эта проблематика особенно актуальна из-за близости Южной Азии к Центральной Азии и интенсивных миграционных обменов. Крупные потоки приезжающих повышают требования к интеграционным и превентивным мерам: при недостаточной социальной адаптации и информационной безопасности часть мигрантов может оказаться уязвимой к радикальной идеологии.

Кроме того, устойчивость торгово-транспортных коридоров, связывающих Россию с Индией и Индийским океаном, зависит от уровня региональной безопасности. Международный транспортный коридор «Север-Юг» наращивает объемы и сокращает стоимость и сроки доставки, однако любые всплески терроризма в прилегающих маршрутах ухудшают логистику и страховые условия для российского экспорта и импорта.

Важным аспектом остается уязвимость критической инфраструктуры и массовых общественных пространств. Наиболее подвержены риску транспортные узлы, энергетические и телекоммуникационные объекты, места массового скопления людей и культовые сооружения. Изменение тактики атак в сторону малозатратных и слабо предсказуемых операций усложняет проведение контрмер и повышает цену ошибок.

Меняется и технологический контур угрозы, что требует дополнительного изучения. Радикальные структуры адаптируются к цифровой среде, осваивают закрытые мессенджеры, применяют дешевые коммерческие беспилотные летательные аппараты. Увеличивается роль онлайн-пропаганды и дезинформации, включая использование генеративных технологий и дипфейков.

Кроме того, борьба с терроризмом сталкивается с новыми вызовами, в частности с кибертерроризмом. Использование цифровых платформ для пропаганды, вербовки, финансирования и координации атак требует адаптации существующих мер и разработки новых механизмов обеспечения кибербезопасности.

Перечисленные обстоятельства в совокупности подтверждают высокую степень актуальности исследования, обуславливая необходимость комплексного анализа специфики террористической активности в странах Южной Азии, оценки результативности национальных и региональных стратегий противодействия.

Проблема исследования заключается в том, что при наличии значительного массива фактов о террористической активности в Южной Азии отсутствует их системное осмысление в политической науке. Возникает разрыв между накопленными эмпирическими данными и существующими теоретическими моделями. Устранение этого пробела требует выявления ключевых факторов, делающих регион особенно уязвимым перед международным терроризмом, и анализа того, каким образом социально-экономические, политические и этнорелигиозные условия формируют устойчивость террористических сетей.

Объектом исследования является террористическая деятельность в странах Южной Азии, ее динамика, факторы распространения и влияние на региональную и международную безопасность.

Предметом – закономерности формирования и эволюции террористической угрозы в Южной Азии, а также стратегии противодействия терроризму на национальном и региональном уровнях.

Хронологические рамки. Основу работы закладывают события после 2021 г., когда в Афганистане к власти пришло «Движение талибов», так как это событие кардинально поменяло динамику террористической угрозы в Южной Азии. При этом для объяснения текущей конфигурации угроз и политик противодействия работа систематически обращается к историографии и источникам и предпосылкам из прошлого, прежде всего после распада Британского Раджа в 1947 г., а также к генеалогии понятия «терроризм» от конца XVIII века до наших дней.

Территориальные рамки исследования охватывают страны Южной Азии, включая Афганистан, Пакистан, Индию, Бангладеш, Шри-Ланку, Непал, Бутан и Мальдивы, с учетом их роли в региональной и международной системе противодействия терроризму.

Цель исследования – выявить ключевые факторы, способствующие распространению терроризма в Южной Азии, проанализировать эффективность существующих стратегий противодействия.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **научных задач**:

- Изучить подходы к изучению международных террористических организаций в политической науке.
- Исследовать, как страны Южной Азии определяют терроризм и какие организации признают террористическими.
- Определить типы международных террористических организаций в Южной Азии.

- Исследовать фактор влияния спорных границ и наследия разделов в развитии международного терроризма в регионе.
- Рассмотреть источники исламской радикализации в Южной Азии и их влияние на деятельность международных террористических организаций в регионе.
- Сопоставить объяснения связи терроризма с бедностью и неравенством и выявить социально-экономические аспекты, способствующие развитию активности международных террористических организаций в Южной Азии.
- Проследить трансформацию ключевых международных террористических организаций Южной Азии и их влияние, в том числе за пределами региона.
- Проанализировать институциональную архитектуру контртеррористической политики стран Южной Азии и наднациональные форматы координации.
- Выявить новые проблемы, возникающие в связи с использованием современных технологий террористами, и меры по противодействию им в странах Южной Азии.

Гипотеза исследования заключается в том, что уровень террористической угрозы в странах Южной Азии существенно различается в зависимости от внутренних социально-экономических и политических факторов, однако для всего региона характерны общие структурные черты терроризма. Несмотря на разницу в масштабах и формах проявления угрозы, ключевые тенденции, такие как трансграничный характер террористических сетей, использование радикальных идеологий для мобилизации сторонников, объединяют большинство государств региона. Это позволяет рассматривать Южную Азию как единую зону нестабильности.

Теоретико-методологическая база исследования. Анализ деятельности международных террористических организаций в Южной Азии требует понимания причин, идеологии и форм регионального проявления насилия. В фокусе остаются мотивы расширения террористической угрозы, структура и методы ее реализации. Исследование опирается на сочетание нескольких теоретических подходов, что позволило точно сформулировать и решить ключевые задачи.

Кроме того, многоаспектный характер терроризма в Южной Азии требует интеграции как российских⁴, так и зарубежных, в первую очередь южноазиатских⁵ аналитических подходов, учитывающих структурные, идеологические и внешнеполитические факторы не только феномена терроризма, но и его проявления в регионе.

Основой послужили системный и неинституциональный подходы. Первый помогает оценить взаимодействие внутренних и внешних факторов, влияющих на безопасность. Вторым

⁴ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2000.

⁵ Sahni A. South Asia: Extremist Islamist Terror & Subversion // The Global Threat of Terror: Ideological, Material & Political Linkages / Ed. by K. P. S. Gill, A. Sahni. New Delhi: Roli Books, 2002. P. 181–239.

показывает, как формальные и неформальные нормы формируют поведение террористических групп. Также применены принципы политического реализма⁶ и неореализма⁷. В условиях нестабильности Южной Азии ключевым приоритетом государств становится обеспечение собственной безопасности и сдерживание влияния транснациональных угроз, в том числе исламский терроризм.

Оценка намерений таких группировок строится на анализе их ресурсов – политических, финансовых, военных, информационных. Нестабильность в Афганистане, конфликты в Пакистане, рост религиозного радикализма в Бангладеш и на Шри-Ланке, действия «Аль-Каиды на Индийском субконтиненте» требуют рассмотрения роли государства в международной системе. Здесь полезны идеи неореализма: место страны в мировой и региональной иерархии влияет на ее возможности реагировать на угрозы.

Институциональный и неинституциональный подходы позволили оценить механизмы выработки антитеррористических мер в Индии, Пакистане и Бангладеш. Для понимания причин устойчивости терроризма в регионе применены конструктивистская и цивилизационная парадигмы. В странах с преимущественно мусульманским населением наблюдается восприимчивость к радикальным идеям. Это связано с историческими конфликтами, социальной фрагментацией и религиозной мобилизацией. В Пакистане и Бангладеш ислаимзм часто становится политическим инструментом, направленным против секулярных и этноконфессиональных соперников. В Индии рост радикализма проявляется как реакция на этническое давление и региональные противоречия.

Вмешательство внешних акторов усиливает внутренние разломы. В первую очередь речь идет о поддержке отдельных исламских движений Западом или странами Персидского залива. Такая конфигурация напоминает временный союз исламской и западной политической воли для обеспечения регионального доминирования. В этом контексте полезны работы цивилизационного подхода⁸.

Конструктивистский подход⁹ имеет особое значение для стран Южной Азии, где идентичности часто конструируются в контексте религиозного и этнического конфликта. Примеры включают создание политической идентичности у индийских мусульман и радикализацию населения в пограничных районах. Применение сравнительного анализа и конкретно-исторического метода позволило рассмотреть терроризм как системную угрозу для международной и региональной стабильности. Сценарный подход дал возможность спрогнозировать развитие обстановки в регионе. Выявлены два базовых сценария: укрепление государств и снижение угроз либо дальнейшая фрагментация с ростом насилия.

⁶ Morgenthau H. J., Thompson K. W., Clinton W. D. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Knopf. – 1985.

⁷ Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Stanford: Stanford University Press. – 1990.

⁸ Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.

⁹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. – 1999.

Подобный комплексный подход обеспечивает целостное понимание терроризма в Южной Азии как феномена, имеющего политические, социальные и цивилизационные корни.

Источниковая база исследования представляет собой совокупность официальных документов, статистических данных, материалов международных организаций, аналитических докладов, научных и экспертных публикаций, а также первичных эмпирических источников, позволяющих всесторонне осветить природу, динамику и трансформацию террористической активности в странах Южной Азии.

К числу официальных документов, на которые опирается исследование, относятся стратегические и программные материалы национальных правительств (Индии¹⁰, Пакистана¹¹, Бангладеш¹²), включая антитеррористические доктрины, законы о безопасности, ежегодные отчеты министерств внутренних дел¹³, обороны¹⁴ и иностранных дел¹⁵. Особое значение имеют рассекреченные документы, раскрывающие позицию государственных институтов в отношении трансграничных угроз, связи терроризма с религиозным радикализмом, финансированием и деятельностью внешних акторов¹⁶.

Весомое место занимают отчеты международных организаций: ООН¹⁷, Human Rights Watch¹⁸, а также отчеты Института экономики и мира, в первую очередь ежегодный индекс глобального терроризма (Global Terrorism Index)¹⁹. Эти материалы предоставляют актуальные данные о динамике терактов, типологии террористических группировок, регионах концентрации насилия, а также содержат обобщенные оценки международных экспертов о природе угроз в Южной Азии.

Широко привлекаются аналитические доклады и базы данных исследовательских

¹⁰ Unlawful Activities (Prevention) Act (UAPA) // Ministry of Law and Justice, Government of India. – URL: (accessed: 14.10.2024).

¹¹ Anti-Terrorism Act, 1997 (Act XXVII of 1997). Islamabad: Government of Pakistan, The Gazette of Pakistan (Extraordinary), 1997. URL: https://na.gov.pk/uploads/documents/1334289360_951.pdf (accessed: 01.10.2024).

¹² Anti-Terrorism Act, 2009 (Act No. 16 of 2009). Dhaka: Government of the People's Republic of Bangladesh, Bangladesh Gazette (Extraordinary), 2009. URL: <https://www.refworld.org/docid/4b7709e72.html> (accessed: 01.10.2024)

¹³ Details about Indian Cybercrime Coordination Centre (I4C) Scheme // Ministry of Home Affairs, Government of India. – URL: https://www.mha.gov.in/en/division_of_mha/cyber-and-information-security-cis-division/Details-about-Indian-Cybercrime-Coordination-Centre-I4C-Scheme (accessed: 02.02.2025).

¹⁴ Counterterrorism efforts in Sri Lanka // Ministry of Defence, Sri Lanka. – 2025. – URL: https://www.defence.lk/Article/view_article/4023 (accessed: 12.01.2025).

¹⁵ Bangladesh Money Laundering Prevention // Ministry of Foreign Affairs of Bangladesh. URL: [https://www.mofa.gov.bd/sites/default/files/files/mofa.portal.gov.bd/files/cf1c6a88_c5c8_4b3d_a001_90f4e52fbb7b/Money%20Laundering%20Prevention%20Act%202012%20\(English%20Version\).pdf](https://www.mofa.gov.bd/sites/default/files/files/mofa.portal.gov.bd/files/cf1c6a88_c5c8_4b3d_a001_90f4e52fbb7b/Money%20Laundering%20Prevention%20Act%202012%20(English%20Version).pdf) (accessed: 01.10.2024).

¹⁶ Central Intelligence Agency. Afghanistan: Soviet Dilemma Along the Pakistani Border // National Intelligence Estimate – 1981. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP96R01136R001302330006-2.pdf> (accessed: 28.11.2024).

¹⁷ Drivers of Violent Extremism // United Nations Office on Drugs Crime. – URL: <https://www.unodc.org/e4j/en/terrorism/module-2/key-issues/drivers-of-violent-extremism.html>, (accessed: 03.12.2024).

¹⁸ Human Rights Watch. Legal Black Hole: Sri Lanka's Failure to Reform the Prevention of Terrorism Act // Human Rights Watch. – 2022. – URL: <https://www.hrw.org/report/2022/02/07/legal-black-hole/sri-lankas-failure-reform-prevention-terrorism-act> (accessed: 01.10.2024).

¹⁹ Global Terrorism Index 2024 // Institute for Economics & Peace. – URL: <https://www.economicsandpeace.org/reports/> (accessed: 12.01.2025).

центров, в первую очередь расположенного в Нью-Дели South Asia Terrorism Portal (SATP)²⁰, который проводит регулярный подсчет террористических актов в регионе. Привлекаются данные и из других ресурсов, которые позволяют детализировать сведения о структурах террористических организаций, маршрутах радикализации, механизмах внешнего влияния и трансграничного распространения экстремизма в условиях нехватки информации от официальных источников.

Особую ценность представляют национальные и региональные СМИ, экспертные сайты и информационные агентства Южной Азии (The Hindu²¹, Dawn²², The Times of India²³, Dhaka Tribune²⁴, ToloNews²⁵), материалы которых использовались для оперативного отслеживания развития событий, а также для анализа дискурсов, сопровождающих антитеррористические кампании.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование феномена религиозного терроризма и радикализации в Южной Азии опирается на обширный массив научной литературы, в которой представлены как обобщающие теоретические подходы, так и узкоспециализированные региональные исследования. Для упорядоченного обзора полезно разделить литературу на два основных блока. Первый включает общие работы по терроризму и радикализму. Второй – литература, рассматривающая исторические и современные проявления терроризма в странах Южной Азии.

Фундаментальная база исследования опирается на классические и современные работы в области международных отношений, в которых разработаны категории власти, конфликта, нестабильности, идентичности и политической мобилизации.

В российской научной традиции значительный вклад в развитие теоретического исследования угрозы международного терроризма внесли А.М. Васильев²⁶, С.С. Веселовский²⁷,

²⁰Terrorist Groups in Bangladesh // South Asia Terrorism Portal: site. – URL: <https://www.satp.org/terrorist-groups/bangladesh> (accessed: 01.10.2024).

²¹ Violent clashes erupt outside consular camp at Hindu temple in Canada's Brampton // The Hindu. – 2024. – URL: <https://www.thehindu.com/news/international/violent-clashes-erupt-outside-consular-camp-at-hindu-temple-in-canadas-brampton/article68827909.ece> (accessed: 12.01.2025).

²² Chinese engineers targeted in Karachi attack: police // Dawn. – 2024. – October 7. – URL: <https://www.dawn.com/news/1877910> (accessed: 12.01.2025).

²³ India set to take part in SCO anti-terror exercise in Pakistan // The Times of India. – 2021. – September 13. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-set-to-take-part-in-sco-anti-terror-exercise-in-pakistan/articleshow/86628288.cms> (accessed: 08.02.2025).

²⁴ RAB: 55 Missing Youths May Have Joined Militant Groups // Dhaka Tribune. – 2022. – 10 October. – URL: <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/2022/10/10/rab-55-youths-missing-from-18-districts> (accessed: 03.12.2024).

²⁵ Mujahhed: Da Islami Amarat Mashar da Istehbarato Laa Raisano Sara Walidal // TOLONews. – 2025. – URL: <https://tolonews.com/pa/afghanistan-180256> (accessed: 12.01.2025).

²⁶ Васильев А.М. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 3. Северный и Южный Кавказ / в соавт. с Аль-Джанаби М.М., Кисриевым Э.Ф., Нефляшевой Н.А., Саватеевым А.Д., Следзевским И.В. и др. Рук. авт. колл. И.В. Следзевский; Отв. ред. А.Д. Саватеев, Н.А. Нефляшева, Э.Ф. Кисриев. – М.: ИАФР РАН, 2017. – 608 с.

²⁷ Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом / С.С. Веселовский. – М.: Навона, 2009.

А.Г. Волеводз²⁸, К.Е. Петров²⁹, А. Димитровска³⁰, В.Ю. Федянин³¹ и ряд других авторов³².

Их работы посвящены различным аспектам феномена международного терроризма: от методологических оснований анализа террористической угрозы до разработки конкретных стратегий противодействия. В данном исследовании сделан упор на работах С.С. Веселовского и А.Г. Волеводза, в которых авторы акцентировали внимание на эволюции идеологических моделей терроризма и на месте экстремистских движений в глобальной политике. Кроме того, в диссертации была использована разработанная этими авторами типология радикальных группировок.

В вопросе изучения феномена радикального исламского радикализма огромный вклад оказал А.М. Васильев, который первым в отечественной науке описал феномен ваххабизма, идеология которого стала базой как фундаменталистских, так и некоторых экстремистских террористических исламских доктрин в XX–XXI вв³³. Существенный вклад в осмысление радикализма также внес И. П. Добаев³⁴. В серии монографий он выстроил социально-философскую рамку анализа исламского радикализма, реконструировал его генезис и стадии, описал идеологические основания (в т. ч. доктрину такфира) и предложил контр-идеологические меры.

Среди последних работ российских исследователей, вышедших после 2021 г., выделяются авторы, усилившие теорию и практику темы. С.М. Кочои и Р.С. Кочои³⁵ уточняют признаки и формы международного терроризма, предлагая более четкие критерии отграничения. М.А. Воднева³⁶ анализирует уголовно-правовые основы ответственности за акт международного терроризма, показывая слабые места конструкции и пути их устранения. К.Р.

²⁸ Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация / А.Г. Волеводз // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. - № 1. - С. 70-93.

²⁹ Петров К.Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 130–141.

³⁰ Димитровска А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан: диссертация на соискание степени канд. полит. наук: 23.00.04: защищена 10.06.2019 / науч. рук.: Пономарева Е. Г., докт. полит. наук, проф. – М., диссертационный совет при МГИМО. 2019.

³¹ В.Ю. Федянин Проблемы выработки универсального определения терроризма // Московский журнал международного права. – 1998. – URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/1823> (дата обращения: 10.09.2024).

³² Артюхов И.В. Проблема международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2004. – №1. – С. 46–56; Авдеев Ю. И. Современный международный терроризм: новые угрозы и Актуальные вопросы противодействия // АПЕ. – 2003. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyu-mezhdunarodnyu-terrorizm-novye-ugrozy-i-aktualnye-voprosy-protivodeystviya> (дата обращения: 04.10.2024); Рязанов Д. С. Бедность и безработица как факторы терроризма // Политика. – 2011. – № 4 (63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-bezrabortitsa-kak-factory-terrorizma> (дата обращения: 05.12.2024).

³³ Васильев А.М. Идеология раннего ваххабизма // Народы Азии и Африки. 1965. – № 6. – С. 113–121.

³⁴ Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002., Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2003., Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России. М.–Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014.

³⁵ Кочои С. М.; Кочои Р. С. Международный терроризм: признаки и формы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 81–89.

³⁶ Воднева М. А. Принцип справедливости в связи с уголовно-правовой нормой об ответственности за акт международного терроризма: проблемные аспекты // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 64–71

Яхин³⁷ обсуждает статус международного терроризма как международного преступления и правовые последствия такого подхода. В сумме эти работы дополняют классические наработки российской школы, обновляют понятийный аппарат и предлагают прикладные решения.

Среди зарубежных исследований темы терроризма особый интерес представляют работы А. Шмидта³⁸, Б. Хоффмана³⁹, М. Креншоу⁴⁰, Т. Р. Гурра⁴¹, Д. Рапопорта⁴² и других авторов⁴³, в которых терроризм рассматривается как политическое, идеологическое и психологическое явление.

А. Шмидт является одним из наиболее авторитетных исследователей терроризма. Его подход сочетает правовые, политологические и социологические методы. В совместной работе с А. Йонгманом⁴⁴ он представил обобщенное определение терроризма, основанное на анализе более ста дефиниций. По Шмидту, терроризм – это метод насилия, направленный на создание страха с целью политического давления. Он подчеркивает его инструментальный и символический характер.

Д. Рапопорт разработал концепцию «четырёх волн» современного терроризма, показав цикличность развития террористической активности и смену доминирующих мотивов, тактик и транснациональных связей. Данная модель широко используется в работе применительно к деятельности международных террористических организаций.

М. Креншоу в своих трудах разрабатывает поведенческую модель, в которой терроризм понимается как рациональный выбор групп, стремящихся достичь политических целей при ограниченных возможностях⁴⁵. Креншоу рассматривает терроризм как рациональный выбор, обусловленный ограниченными ресурсами и отсутствием других каналов политического действия. Среди причин радикализации она выделяет репрессии, социальное неравенство и

³⁷ Яхин К. Р.; Идельбаева Г. И. Международный терроризм как международное преступление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyu-terrorizm-kak-mezhdunarodnoe-prestuplenie> (дата обращения: 18.05.2025).

³⁸ Schmid, A. Defining Terrorism // International Centre for Counter-Terrorism. – 2023. – URL: https://icct.nl/sites/default/files/2023-03/Schmid%20-%20Defining%20Terrorism_1.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

³⁹ Hoffman, B. Inside Terrorism / revised edn // Columbia University Press – 2006. – Pp. 26-30. – URL: <https://cup.columbia.edu/book/inside-terrorism/9780231174763> (accessed: 10.10.2024).

⁴⁰ Crenshaw M. Terrorism in Context. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1995.

⁴¹ Gurr T. R. Why Men Rebel // Taylor & Francis. – 1970. – P.13. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781315631073> (accessed: 03.12.2024).

⁴² Rapoport D. C. The Four Waves of Modern Terrorism // Attacking Terrorism: Elements of a Grand Strategy / Ed. by A. M. Cronin, J. M. Ludes. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2004. P. 46-73.

⁴³ Taşpınar Ö. Fighting Radicalism, Not “Terrorism”: Root Causes of an International Actor Redefined // SAIS Review of International Affairs. – 2009. – No. 2. – Pp. 75–86. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/265226> (accessed: 03.12.2024); Bergen, P. Holy War, Inc. Inside the Secret World of Osama bin Laden. – N.Y.: The Free Press. – 2001.; Bromley, D. G., Melton, J. G. Cults, Religion, and Violence / ed. D. G. Bromley, J. G. Melton // Cambridge University Press.: Cambridge. – 2002.; Byman, D. The Global Jihadist Movement: Propaganda and Radicalization. – Brookings Institution Press.: Washington, D.C. – 2015.

⁴⁴ Schmid, Alex P., Jongman, Albert J. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. – Amsterdam: North-Holland Publishing Company. – 1988.

⁴⁵ Crenshaw M. The Causes of Terrorism // Comparative Politics. – Ph.D. Program in Political Science, City University of New York (CUNY). – 1981. – Vol. 13, No. 4. – P. 379-399. – URL: <https://www.jstor.org/stable/421717> (accessed: 13.07.2025).

блокировку легального протеста.

Т. Р. Гурр в работе связывает насилие с чувством относительной депривации. Он показывает, что склонность к протесту и радикализму возникает, когда ожидания социальных групп расходятся с их реальными возможностями. Терроризм, в этой логике, является формой политической реакции на фрустрацию и отчуждение от власти. Его теория оказала заметное влияние на развитие исследований политического экстремизма.

Совокупный вклад этих авторов создал прочный теоретико-методологический фундамент для дальнейших прикладных исследований феномена международного терроризма.

Второе направление составляют исследования, охватывающие исторические, этноконфессиональные и институциональные особенности государств Южной Азии. В российской науке работы Н.Д. Плотникова⁴⁶, В.Я. Белокреницкого, Д.Е. Фурмана⁴⁷, Т.Л. Шаумян⁴⁸, В.Я. Сикоева⁴⁹, В.В. Воробьева⁵⁰, А.Ю. Яковлева⁵¹, предоставляют систематизированный анализ процессов трансформации государственности, радикализма, постколониальных конфликтов, а также региональных подходов к обеспечению безопасности в Южной Азии. Они уделяют внимание таким аспектам, как влияние колониального наследия (линии Редклиффа и Дюранда), слабость границ, внутренняя этническая разрозненность, рост сопряженной преступности.

С 2021 г. заметно вырос интерес к изучению вопросов безопасности региона после прихода к власти в Афганистане «Движения талибов». Так, И.А. Гужев посвятил отдельную работу изучению вопроса взаимодействия Афганистана и Пакистана в сфере безопасности⁵². Этому же вопросу была посвящена работа М.О. Нессара и П.В. Топычканова⁵³. А. Л. Филимонова и Н. В. Мелехина⁵⁴ показывают, как политический суфизм в Пакистане влияет на общественную мобилизацию и стабильность в стране. Н. Г. Рогожина⁵⁵ анализирует влияние

⁴⁶ Плотников Н. Д. Наркоситуация в Афганистане обостряется // Международная жизнь. – 2018. – № 5. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2013> (дата обращения: 13.05.2025).

⁴⁷ Фурман Д.Е. Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм. М., 1992

⁴⁸ Шаумян Т. Л. Кашмирская проблема: международно-правовой аспект // Вестник ИВ РАН. 2023. № 4. С. 250-264.

⁴⁹ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН. – 2014.

⁵⁰ Воробьев В. В. Правление в Пакистане М. Зия уль-Хака: особенности и последствия / отв. ред. В.Я. Белокреницкий; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018.

⁵¹ Яковлев, А. Ю. Межконфессиональные конфликты в Индии: индусы против мусульман // Исламоведение. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkonfessionalnye-konflikty-v-indii-indusy-protiv-musulman> (дата обращения: 11.02.2025).

⁵² Гужев И. А. Афгано-пакистанские отношения: проблемы и вызовы XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 2. С. 73-83.

⁵³ М. О. Нессар, П. В. Топычканов. Кабул и Исламабад: мифы и реальность. Динамика афгано-пакистанских отношений после установления режима талибов // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kabul-i-islamabad-mify-i-realnost-dinamika-afgano-pakistanskikh-otnosheniy-posle-ustanovleniya-rezhima-talibov> (дата обращения: 28.11.2024).

⁵⁴ Филимонова А. Л., Мелехина Н. В. Политический суфизм в современном Пакистане: основные аспекты // Азия и Африка сегодня. 2025. № 1. С. 33-40.

⁵⁵ Рогожина Н. Г. Влияние событий в Афганистане на террористическую ситуацию в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2022. — Т. 2, № 2 (55). — С. 26-33.

событий в Афганистане после 2021 г. на динамику террористической активности в странах Юго-Восточной Азии, указывая на усиление трансграничных связей и «эффект перелива» угроз.

В западной литературе регион представлен в трудах А. Абрахама, Э. Ньюмана, М. Л. Вайса⁵⁶, Л. Дюпри⁵⁷, А. Рида⁵⁸, Л.В. Адамца,⁵⁹ в которых рассматриваются динамика индо-пакистанских отношений, проблема Кашмира, роль «Движения талибов» в афганской политике, политизация ислама в Бангладеш и трансграничная активность террористических группировок. Также изучается влияние США, Китая и мусульманских стран на процессы внутренней радикализации.

Однако масштабнее всего тема раскрывается, конечно, южноазиатскими исследователями, в первую очередь из Индии и Пакистана. Их подход отличается эмпирической насыщенностью, вниманием к региональным особенностям и попытками сопоставления локального и глобального контекстов.

Особое значение имеют исследования С. К. Рата⁶⁰. Автор показывает, как транснациональные террористические сети используют внутренние уязвимости индийских мегаполисов. На примере атак в Мумбаи автор демонстрирует, как внутренние социальные противоречия и внешние угрозы складываются в единую стратегию поражения ключевых объектов инфраструктуры и символов власти.

А. Риаз анализирует развитие исламского экстремизма в Бангладеш и показывает⁶¹, как за три десятилетия менялись структуры и стратегии джихадистских движений. Он связывает эти изменения с идеологической эволюцией радикальных течений и с попустительством части политических элит, что создало условия для институционализации насилия.

Сравнительный анализ С. С. А. Шаха посвящен инициативам против насильственного экстремизма в Пакистане и Сингапуре⁶². Он показывает контраст между централизованной и координированной моделью Сингапура и фрагментированной, милитаризованной политикой

⁵⁶ Abraham, I., Newman, E., Weiss, M. L. *Political Violence in South and Southeast Asia: Critical Perspectives* // United Nations University Press.: Tokyo. – 2010. – P. 47-49. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/687406?ln=en&v=pdf> (accessed: 01.10.2024).

⁵⁷ Dupree, L. *Afghanistan* // Princeton University Press.: Princeton. – 1980. – P. 63.

⁵⁸ Reed, A. *Al Qaeda in the Indian Subcontinent: A New Frontline in the Global Jihadist Movement?* // The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague. – 2016. – Vol. 8, No. 1.

⁵⁹ Adamec, L. W. *Historical Dictionary of Afghanistan* // Choice Reviews Online. – Vol. 49, No. 09. – 2012.

⁶⁰ Rath S. K. *Fragile Frontiers: The Secret History of Mumbai Terror Attacks*. New Delhi: Routledge India, 2015. URL: <https://www.routledge.com/Fragile-Frontiers-The-Secret-History-of-Mumbai-Terror-Attacks/Rath/p/book/9780367176853> (accessed: 01.12.2024).

⁶¹ Riaz A. *Three Decades of Islamist Militancy in Bangladesh* // *The Politics of Terrorism and Counterterrorism in Bangladesh* / ed. by S. Parvez, M. S. Rahman. Abingdon; New York: Routledge, 2023. P. 11-32. URL: <https://www.routledge.com/Three-Decades-of-Islamist-Militancy-in-Bangladesh/Riaz/p/book/9780367197926> (accessed: 03.12.2024).

⁶² Shah S.S.A. *Comparative Appraisal of CVE Initiatives in Pakistan and Singapore* // *Pakistan Journal of Terrorism Research (PJTR)*. – 2023. – Vol. 5. – No. 2. – Pp. 62-71. – URL: <https://nacta.gov.pk/wp-content/uploads/2024/01/Comparative-Appraisal-of-CVE-Initiatives-in-Pakistan-and-Singapore.pdf> (accessed: 11.02.2025).

Пакистана. С. Сиал и Т. Анжум анализируют типы джихадистских нарративов, доминирующих в пакистанских медиа⁶³. Они выделяют ключевые факторы, способствующие радикализации.

В Индии исследовательское внимание также сосредоточено на внутренних формах насилия. Г. Д. Бакши рассматривает леворадикальный экстремизм как гибридную угрозу, сочетающую вооруженную активность с революционной риторикой. Он подчеркивает необходимость сочетания силовых и институциональных мер в зонах конфликта⁶⁴.

Таким образом, темы терроризма, исламского радикализма и безопасности в странах Южной Азии получили широкое освещение как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. При этом большинство исследований сосредоточены на отдельных государствах и не выходят за рамки национального анализа. Комплексные работы, охватывающие трансграничную динамику терроризма в регионе и опирающиеся на современные теоретические подходы, встречаются редко. Этот пробел определяет необходимость системного исследования, ориентированного на сопоставление примеров разных стран для объяснения общерегиональной угрозы безопасности.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе религиозного терроризма и радикализации в Южной Азии. В работе показано, как страны региона определяют терроризм, а также какие контртеррористические органы используют против борьбы с этой угрозой.

Выявлены различия в источниках экстремизма, институциональных реакциях, роли религиозных организаций и вовлечении населения. Это позволило выделить типы радикальных движений и формы их адаптации.

Исследование предлагает авторскую модель устойчивости экстремизма, в которую включены факторы слабости государства, этнических конфликтов, внешнего финансирования и неэффективности границ. Анализ конкретных зон, например, Белуджистана, Кашмира и др., позволяет объяснить устойчивое воспроизводство радикальных настроений и невозможность полного искоренения экстремизма стандартными силовыми методами. Подчеркивается также роль религиозного образования, цифровых платформ и социальной маргинализации в поддержании рекрутского потенциала террористических групп.

Кроме того, в исследовании дана критическая оценка существующих механизмов регионального сотрудничества. На основе анализа инициатив в рамках ШОС, СААРК и двусторонних соглашений показаны ограниченные возможности для совместной борьбы с терроризмом из-за политических противоречий, отсутствия доверия и несогласованности стратегий. Это позволяет пересмотреть представления о региональной безопасности и

⁶³ Sial S., Anjum T. Jihad, Extremism and Radicalization // PIPS Research Journal Conflict and Peace Studies. – April 2010. – URL: <https://www.pakpips.com/web/wp-content/uploads/2017/11/119.pdf> (accessed: 03.12.2024).

⁶⁴ Bakshi, G. D. Left Wing Extremism in India: Context, Implications and Response Options // Manekshaw Paper. – New Delhi: Centre for Land Warfare Studies. – 2009. – No. 9. – P. 12-31. – URL: <https://www.claws.in/publication/left-wing-extremism-in-india-context-implications-and-response-options/> (accessed: 10.10.2024).

предложить новые подходы к противодействию трансграничным угрозам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На основании анализа изучения международных террористических организаций в политической науке, дается рабочее определение. Под такой организацией понимается устойчивая сеть, которая преследует политические цели, сознательно применяет насилие или угрозу насилия против гражданского населения как средство давления, имеет опору за пределами одного государства в виде путей снабжения, вербовки и перевозки людей и средств, и обращает свои действия к внешней аудитории, добиваясь устрашения или напротив пропаганды своей деятельности. Это определение позволяет сравнивать разные случаи по единым признакам, вводит понятные меры определения «международности» террористической организации.

2. Спорные участки границ, включая линию Дюранда и линию Редклиффа, выступают структурным фактором устойчивости МТО, поскольку предоставляют маршруты перемещения, тыловые зоны и места снабжения.

3. В Южной Азии активно проходит процесс исламской радикализации, что работает на пользу деятельности международных террористических организаций. Это особенно опасно в местах, где тесно проживают разные религиозные общины, например, в Джамму и Кашмире.

4. Южная Азия одновременно является слаборазвитым и социально поляризованным регионом. Во многих странах высокие доли населения находятся за чертой бедности. Кроме того, эти группы часто имеют ограниченный доступ к образованию, медицине и заработку, поэтому становятся целью вербовщиков. Молодая возрастная структура усиливает эффект: свыше сорока процентов жителей моложе двадцати пяти лет, а безработица и социальная изоляция повышают готовность к риску и поиску быстрых решений. В такой среде обещания справедливости и признания делает участие в деятельности МТО одним из доступных решений проблем социально-экономического характера.

5. Главным трендом деятельности МТО является уход от идеологических форм к смешанным. Усиливается ролевая специализация звеньев: одни отвечают за пропаганду и связь, другие за сбор средств и перевозки, третьи за подготовку и проведение акций. Расширяется экономическая база за счет теневой торговли, нелегальной добычи, контрабанды и малых пожертвований, что снижает зависимость от одного источника.

6. Наднациональные форматы контртеррористической деятельности остаются фрагментированными и слабо совместимыми между собой. Ключевым препятствием выступает отсутствие единых процедур обмена данными и правовой взаимопомощи, что непосредственно тормозит совместные действия. При этом в региональной архитектуре есть опорная площадка: ШОС через Региональную антитеррористическую структуру в Ташкенте обеспечивает обмен сведениями и совместные учения и дает Индии и Пакистану редкий канал рабочего диалога по безопасности.

Напротив, СААРК и особенно БИМСТЕК страдают от слабой институционализации: отсутствует постоянный центр, применение разработанных инструментов ограничено, а кооперация часто сводится к двусторонним инициативам.

7. В странах Южной Азии террористические сети используют цифровую среду не только для агитации, но и для прямого воздействия: атаки на сайты госорганов и полиции, вывод из строя сервисов через перегрузку трафика, взлом и утечку баз данных, шантаж и сбор средств через подмену страниц. Кроме того, возросла роль беспилотных летательных аппаратов в деятельности МТО.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научного понимания природы религиозного терроризма и радикализации в контексте региональной безопасности. Исследование вносит вклад в развитие конструктивистского подхода к анализу международных угроз, адаптируя теорию секьюритизации к условиям Южной Азии и демонстрируя ее применимость к межгосударственным и внутривнутриполитическим конфликтам, в которых ключевую роль играет религиозная идентичность.

Предложенные в работе концептуальные положения позволяют по-новому осмыслить процессы легитимации насилия, институционализации радикальных движений и формирования устойчивых экстремистских сетей в условиях слабости государственных институтов.

Разработанная типология радикализации и модель устойчивости терроризма на региональном уровне могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований, связанных с динамикой нестабильности в других частях мира.

Работа способствует расширению понятийного аппарата исследований безопасности за счет включения таких категорий, как «периферийное пространство радикализации», «религиозная мобилизация в условиях институционального вакуума», «сетевая адаптивность экстремизма», что позволяет более точно описывать трансформацию угроз в современной международной среде. Полученные результаты представляют интерес для теории конфликтологии, политической социологии и сравнительного регионоведения.

Полученные в ходе исследования материалы могут быть использованы в образовательных и экспертно-аналитических целях: при подготовке специалистов в области международных отношений, регионоведения, антитеррористической политики, а также в рамках курсов по безопасности и конфликтологии.

Работа может служить методологической базой для дальнейших исследований, сравнительного анализа региональных угроз и подготовки прикладных рекомендаций для международных организаций.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов при разработке и корректировке национальных и региональных стратегий противодействия религиозному терроризму и радикализации в странах Южной Азии. Сформулированные выводы и предложенные аналитические модели могут быть использованы

в деятельности профильных государственных органов, занимающихся вопросами безопасности, миграции, контроля над религиозными институтами и трансграничного взаимодействия.

Выявленные закономерности распространения экстремистской идеологии, механизмы ее адаптации и институционализации могут служить основой для выработки более эффективных политических мер по предупреждению радикализации уязвимых групп, а также для построения систем раннего реагирования на угрозы на приграничных территориях.

Результаты работы могут служить основой для совершенствования региональных режимов безопасности, повышения эффективности совместных операций против транснационального терроризма в Южной Азии, например, в рамках ШОС.

Особый практический интерес представляет анализ конкретных примеров использования современных технологий террористическими организациями. Это может позволить специалистам соответствующих направлений разработать более эффективные меры противодействия.

Область исследования. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования ВАК Минобрнауки России, а именно: п. 2 «Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин», п. 3 «Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики», п. 7 «Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы», п. 8 «Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность», п. 11 «Международные организации».

Апробация результатов исследования. Оценка перспектив практической реализации результатов настоящего исследования проведена в рамках научно-исследовательской деятельности автора в качестве лаборанта-исследователя Центра научно-аналитической информации Института востоковедения Российской академии наук.

Основные результаты диссертации представлены автором на следующих научных конференциях и мероприятиях: Международная конференция «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии» (Москва, 2019). Международная научно-практическая конференция: «Ситуация на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Сахаро-Сахельской зоне/ прогнозы развития на 2026 год» (Москва, 2025; доклад «Связь сетей джихадистских организаций Ближнего Востока и Южной Азии»),

Международная научная конференция «Юриспруденция, история, социология, политология и философия» (Москва, 2025; доклад: «Опыт стран Южной Азии в противодействии современным формам кибер- и технологического терроризма»); Международная научно-практическая конференция «Наука и просвещение» (Пенза, 2025; доклад: «Социально-экономические факторы терроризма в Южной Азии: механизмы радикализации и устойчивости сетей»); LIX International Multidisciplinary Conference «Innovations and Tendencies of State-of-Art Science» (Роттердам, 2025; доклад: «Problems and Prospects of Counter-Terrorism Activities in South Asia»).

Кроме того, результаты работы использовались в Центре научно-аналитической информации Института востоковедения РАН при подготовке информационно-аналитических материалов для федеральных органов власти (Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Министерства иностранных дел РФ, Минобороны РФ и других органов власти).

Основные научные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 7 публикациях автора, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность исследования, определены его объект, предмет, цели и задачи, разъяснена методологическая и источниковая база, сформулирована гипотеза, дана характеристика степени научной проработанности темы, раскрыты теоретическая и практическая значимость работы. Приводятся основные положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования деятельности международных террористических организаций в Южной Азии» задаёт основу исследования. В ней уточняются ключевые понятия, фиксируются применённые подходы и вводятся рабочие критерии. Такая постановка необходима для сопоставимости материалов по странам и для проверки гипотезы по региону.

В первом параграфе «Международные террористические организации в современной политической науке» рассматриваются теоретические принципы и вклад авторов. Проблема определения терроризма раскрывается по А. П. Шмидту. Показывается множественность дефиниций и необходимость четкой операционализации признаков. Понимание структуры, целей и тактик организаций опирается на Б. Хоффмана. Выбор насилия как рациональной стратегии объясняется по М. Креншоу. Историческую рамку задаёт модель волн Д. Рапопорта. Периодизация помогает объяснить сдвиг к религиозным сетям и рост транснациональности. На основе этих работ формируется рабочий набор наблюдаемых признаков. Учитываются идеология, политические цели, тактики, каналы вербовки, источники ресурсов и устойчивость трансграничных связей. Активно применяется классификация, разработанная А. Г. Волеводзом и С. С. Веселовским.

Во втором параграфе «Региональные особенности в определении террористических организаций» обсуждается правовой контекст. Универсального юридического определения терроризма нет. Это вызывает расхождения в национальных нормах и усложняет сравнение. Показано, что правовые режимы стран Южной Азии ориентированы на превенцию и расширение инструментов пресечения. Выделяются Индия, Пакистан и Шри-Ланка с более развитыми процедурами признания и запрета организаций. Для иллюстрации приводится пример Пакистана с Законом о борьбе с терроризмом 1997 г. и широким набором квалифицируемых деяний. Особенно выделяется пример Непала, где считавшиеся террористами маоисты были встроены в политическую систему, что вызвало отмену отдельного закона о терроризме.

В третьем параграфе «Классификация международных террористических организаций в Южной Азии» формируется типология, пригодная для анализа региона. На

основе работы А. Г. Волеводза и С. С. Веселовского Выделяются три группы. Это леворадикальные организации, этнонационалистические движения и религиозные сети. Религиозные сети обладают наибольшим транснациональным потенциалом. Леворадикальные и этнонационалистические структуры чаще локализованы. Для дальнейшего анализа закрепляется матрица признаков и правило отнесения к «международным» по ресурсам, коммуникациям и последствиям деятельности.

Вторая глава «Факторы роста террористической угрозы в Южной Азии» объясняет, почему регион уязвим к террористической активности. Анализ объединяет трансграничные процессы, идеологическую радикализацию и социально-экономические условия. Такой подход позволяет связать общие закономерности с конкретными примерами и удерживать фокус на механизмах, а не на перечнях фактов.

В первом параграфе «Фактор трансграничного терроризма на примере Афганистана, Индии, Пакистана» показано, как проницаемые границы поддерживают устойчивость сетей. Перемещения людей, оружия и средств создают для групп безопасные коридоры и запасные территории. Морской маршрут, продемонстрированный атаками в Мумбаи, выявил уязвимость вне сухопутных КПП и необходимость контроля там, где раньше полагались на инерцию. Спорные районы Джамму и Кашмира остаются пространством постоянного проникновения, что перегружает национальные службы и требует согласованных действий соседей. Там, где координация слабая, организации быстрее восстанавливают инфраструктуру и возвращаются к прежним масштабам активности.

Во втором параграфе «Фактор исламской радикализации в странах Южной Азии» раскрыто, как идеология соединяет локальные конфликты с внешними центрами влияния. Региональные подразделения глобальных сетей действуют там, где контроль государства ослаблен и где существует запрос на защиту общинной идентичности. Медийные проекты служат проводниками вербовки и нормализуют язык насилия. Публикации, подобные «Савт-аль-Хинд», адресуют эмоциональные аргументы местной аудитории и предлагают простые сценарии участия. Диаспоры усиливают этот эффект, потому что создают каналы для перевода средств и для циркуляции людей. В результате локальная повестка подменяется глобальными рамками, а насилие получает моральные и организационные подпорки.

В третьем параграфе «Социально-экономический фактор в ситуации с террористической угрозой в Южной Азии» показано, как бедность, неравенство и дефицит рабочих мест делает население регионе более склонным к вступлению в ряды террористических организации. Отмечено, как радикальные структуры предлагают защиту, доход и чувство причастности. На пример пакистанского Белуджистана показано, как ощущение несправедливого распределения доходов от ресурсов подпитывает длительное сопротивление. Индийское маоистское подполье также выросло на сочетании бедности и изоляции, и с улучшением материальных условий, радикальное движение становится все

слабее.

Третья глава «Современные тренды террористической и контртеррористической деятельности в Южной Азии» описывает текущие изменения в деятельности террористических организаций и в ответных мерах государств региона. Глава рассматривает современные тенденции, связанные с терроризмом в регионе: деятельность МТО, противодействием им, а также роль современных технологий в этом процессе.

В первом параграфе «Трансформация международных террористических организаций в южноазиатском регионе» прослеживаются последние изменения в странах региона. В Афганистане после прихода к власти «Движения талибов» политическая система осталась неоднородной. Сохраняется конкуренция между Кабулом и духовным центром в Кандагаре, а также влияние «сети Хаккани». Это ограничивает управляемость и затрудняет единые контртеррористические решения. В 2023 г. показатели насилия снизились, но в 2024 году зафиксирован новый рост. «Исламское государство – Вилаят Хорасан» адаптировалось к давлению и сохранило ресурс для резонансных акций.

В Пакистане наблюдается устойчивое увеличение числа атак по сравнению с концом 2010-х годов. «Техрик-и-Талибан Пакистан» расширил географию, усилил медийную активность и усложнил структуру. Сохраняются очаги насилия в Белуджистане со стороны «Армии освобождения Белуджистана». Также отмечен рост межсектантских нападений, которые связаны с активностью сторонников ИГ-Х. Одновременно усилились инциденты, затрагивающие интересы Китая и проекты экономического коридора.

В Индии снижается общая летальность, особенно в Джамму и Кашмире. Сократилась местная вербовка после конституционных изменений 2019 г. Параллельно растут риски, связанные с движением «Халистан» в диаспорах за рубежом. Фиксируются акты запугивания, вандализм в храмах и публичные угрозы. Левый экстремизм идёт на спад, увеличивается число сдач, но возможность тяжёлых засад остаётся, что подтверждают события 2021 года.

Бангладеш пережил политический кризис, что дало окно для оживления сетей с прежними связями с «Аль-Каидой» и ИГ. В Шри-Ланке после 2019 года усилены меры безопасности, но остаются эпизоды с трансграничным следом и связь с криминальными потоками. В Непале, как и в Бутане, ситуация остается спокойной.

Во втором параграфе «Проблемы и перспективы контртеррористической деятельности в Южной Азии» рассматриваются органы и процедуры, через которые государства реагируют на угрозы. Институциональные ответы различаются, но у успешных практик есть общие черты. Так, в Индии федеральные и штатные структуры выстроили связку расследований, превенции и точечных операций. На левом направлении результат дал комплекс из силовых действий, инфраструктурных проектов и управленческих реформ в затронутых округах.

В Пакистане координирующая роль национальных органов сочетается с работой

провинциальных подразделений. Эффективность ограничивают политическая турбулентность, разрывы в координации и влияние сопредельного Афганистана. Военные меры без устойчивой правовой и социальной базы дают краткосрочный эффект, после чего сети восстанавливаются.

В Афганистане фактическая власть провела реорганизацию разведывательных структур и активизировала операции против ИГ-Х. Отсутствие прозрачной правовой основы и статистики не позволяет верифицировать результативность.

Региональные форматы работают плохо. В СААРК приняты базовые документы, но политические разногласия и отсутствие механизмов исполнения сдерживают практическую координацию. БИМСТЕК даёт более прикладной трек обмена данными и учений, но опирается в ресурсные ограничения и различную вовлечённость участников. В ШОС действует Региональная антитеррористическая структура, однако влияние на южноазиатскую повестку ограничено расхождением угроз и осторожностью государств в обмене чувствительной информацией. В итоге страны чаще опираются на двусторонние каналы.

Третий параграф «Борьба с кибертерроризмом: опыт стран Южной Азии» показывает, что цифровая среда стала самостоятельным полем противоборства. Под кибертерроризмом разумно понимать умышленное использование цифровых средств для причинения значимого вреда людям, инфраструктуре или общественной безопасности с политической целью. Это отличает его от киберпреступности с корыстной мотивацией и от активизма с символическими целями.

В регионе закрепились несколько практик. Во время терактов и пограничных обострений растёт интенсивность атак на государственные сервисы и финансовые платформы. Медиа-структуры ИГ-Х и аффилированные каналы локализуют пропаганду под индийскую и пакистанскую аудитории, расширяют языковую линейку и используют резервные площадки. Отмечаются примеры создания террористами роликов с помощью генеративного ИИ для пропаганды своих идеологий. Также новая технологическая плоскость угроз связана с использованием беспилотных летательных аппаратов. Так, на индийско-пакистанской границе фиксируются регулярные полёты для переброски грузов и разведки.

Ответ государств двигается к сочетанию правовых, технических и организационных мер. На национальном уровне принимаются стратегии кибербезопасности, наращиваются бюджеты и создаются центры мониторинга. Провайдеры обязаны сообщать об инцидентах и хранить технические данные. Платформы взаимодействуют в рамках отраслевых протоколов для ускоренного удаления опасного контента. Внедряются стандарты подтверждения происхождения медиа, что помогает отличать подделки и дипфейки. Главным ограничением остаётся дефицит специалистов и неравномерность возможностей между странами.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автором достигнута исследовательская цель – проведенное исследование показывает, что международный терроризм в Южной Азии – это устойчивое явление, опирающееся на разветвлённые связи через границы, на идеологическую мобилизацию и на уязвимость государственных и местных институтов.

В работе объединены политологический, правовой и институциональный подходы. Выявлено, что Разные направления политической науки по-разному трактуют истоки и устойчивость МТО. Реалисты связывают их с дисбалансом мощи и недостаточным приграничным контролем. Институциональный подход акцентирует несоответствие законов, процессуальных сроков, правил допустимости доказательств и обмена данными, что открывает для сетей возможности. Конструктивисты показывают, как идеи, символы и чувство принадлежности делают насилие убедительным для части аудитории. Критическая перспектива выводит угрозу из неравенства и периферийного положения целых регионов. Организационный и сетевой анализы исследуют устройство групп, каналы коммуникации и воспроизводство тактик.

На основе обзора исследований международных террористических организаций в политологии предлагается рабочая дефиниция. Под такой организацией понимается устойчивая сеть, преследующая политические цели, сознательно применяющая насилие либо угрозу насилия против гражданского населения как средство давления, имеющая опору за пределами одного государства в виде каналов снабжения, вербовки и перемещения людей и средств и адресующая свои действия внешней аудитории для устрашения либо, напротив, для пропаганды собственной деятельности. Это определение позволяет сопоставлять разные случаи по единым признакам и вводит ясные критерии «международности» террористической организации.

Для стран Южной Азии это означает, что формулировки и рамки определяются их историческим, социальным и политическим контекстом. Потому во втором параграфе акцент целенаправленно смещён на правовые аспекты, так как именно они задают основу понимания того, кто и на каком основании признаётся террористической организацией. Показано также, что то, что в одном регионе квалифицируется как терроризм, в другом может рассматриваться как легитимная политическая деятельность или борьба за самоопределение.

Выявлено, что трансграничный терроризм выступает ключевым фактором устойчивости сетей. Спорные и слабо контролируемые участки границ, унаследованные от колониальной разметки, формируют стабильные коридоры перемещения, тыловые зоны и неформальную логистику. Простое наращивание заграждений и присутствия сил без налаженного обмена данными, пресечения нелегальных потоков и урегулирования самих пограничных разногласий даёт лишь кратковременный эффект и не затрагивает оснований, на

которых держится угроза. Асимметрия процессуальных норм и разрыв полномочий между соседними юрисдикциями открывают организациям окна возможностей для укрытия, пополнения ресурсов и перегруппировки вплотную к линии границы. Сетевые структуры опираются на уязвимости местного управления и на теневые рынки топлива, наркотиков и потребительских товаров, используя родственные и земляческие связи в приграничных поселениях и перевалочных пунктах.

В работе отмечено, что в Южной Азии усиливается религиозно мотивированная радикализация, что играет на руку международным террористическим сетям. Через социальные сети и мессенджеры распространяются призывы к «глобальному джихаду» и нарративы о защите «угнетаемых мусульман», где террористы позиционируют себя как «защитников мусульман».

Радикализация имеет многоступенчатый характер и держится на связке уязвимых сегментов религиозного образования, тюремной среды, диаспор и цифровых площадок. Не каждый радикальный спор оборачивается насилием, однако границы между стадиями проницаемы, а сетевые формы общения ускоряют переход от слов к делу. Выделенные типы движений помогают объяснить, почему одни сети легче адаптируют тактики и выходят за пределы национальной сцены, а другие остаются локальными.

Социально-экономическая среда усиливает угрозу не отдельными элементами, а их связкой. Неравенство, безработица среди молодёжи, теневая экономика и споры о доступе к земле, воде и доходам создают устойчивую базу для набора и финансирования; неформальные переводы, серые рынки и мелкие жертвования поддерживают живучесть сетей даже после силовых ударов.

Молодое население стран региона усиливает эффект. Безработица и социальная изоляция повышают готовность к риску и поиску «быстрых» решений. В такой среде обещания справедливости, статуса и признания делают участие в деятельности международных террористических организаций воспринимаемым как один из немногих доступных способов решить проблемы социально-экономического характера.

Теневая экономика и неформальные каналы переводов в приграничных зонах удешевляют доступ к оружию, перевозкам и укрытиям, поддерживая устойчивость транснациональных звеньев; этому же способствуют контрабандные цепочки, коррупция и слабость местных институтов контроля. Пока эти структурные условия сохраняются, силовое давление само по себе даёт ограниченный и краткосрочный результат. Снижение рисков требует одновременного расширения легальных возможностей занятости, улучшения базовых услуг и перекрытия нелегальных рыночных основ, на которых держится криминальная логистика.

При этом, динамика деятельности МТО по странам различается. В Афганистане и Индии заметна относительная стабилизация по показателям смертности, но сохраняются

риски резонансных атак и идеологической поляризации. В Пакистане напротив отмечается рост террористических атак, что тесно увязывается с ухудшающейся социально-экономической ситуацией в стране. В других странах региона очевидна тесная связка преступности и терроризма, особенно в транзитных зонах.

В целом оценка государственной и межгосударственной политики выявляет, что силовые кампании без правового урегулирования спорных участков и без адресной социальной работы возвращают проблему на круги своя. Региональные площадки упираются в политические разногласия, дефицит доверия и несогласованные процедуры. Для сдвига вперед нужен минимальной совместимости, признанные обеими сторонами форматы обмена данными, рабочие правила правовой помощи, согласованные перечни рисков и единые требования к цифровым доказательствам.

В этой связи особенно перспективно выглядит проект ШОС, который хоть и не решает проблему разногласия Индии и Пакистана, объединяет в себе большое количество стран крупных держав, заинтересованных в поддержании безопасности в Южной Азии и имеющих определенное влияние на Нью-Дели и Исламабад. Поэтому, по результатам проведенного исследования, можно с уверенностью говорить о целесообразности укрепления сотрудничества в формате ШОС.

Дальнейшая работа должна опираться на наблюдения в динамике и на сравнение близких по условиям территорий. Цель состоит в том, чтобы перейти от единичных описаний к сопоставимым рядам данных по приграничным округам до и после внедрения конкретных мер. Такой подход позволит увидеть, какие изменения устойчивы, а какие связаны только с эффектом запуска.

Роль диаспоры в продвижении терроризма также выглядит перспективным направлением для изучения. Это становится особенно актуально в условиях, когда все больше рабочих мигрантов из Южной Азии приезжают в другие страны, в том числе в Россию.

IV. СПИСОК РАБОТ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК РФ

1. Джигкаев А.Х. Движение Халистан как международная террористическая организация: критерии идентификации и анализ деятельности // Социально- гуманитарные знания. – 2025 – №6. – С. 255-258.
2. Джигкаев, А.Х. Внутренние вызовы безопасности Афганистана и их влияние на региональную безопасность [Текст] / А.Х. Джигкаев // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – No 2. С. 57-61
3. Джигкаев А.Х. Социально-экономические факторы роста террористической угрозы в Пакистане // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. No 3. С. 106–117. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-106-117.
4. Джигкаев А.Х. Влияние трансграничного терроризма на отношения Индии и Пакистана // Конфликтология / nota bene. 2025. № 3. С. 248-258. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.3.75768 EDN: ZSHYXK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75768 – 0,5 п.л.

Другие публикации

5. Джигкаев А.Х. Опыт стран Южной Азии в противодействии современным формам кибер и технологического терроризма // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам CIV междунар. науч.-практ. конф. – № 9(104). – М., Изд. «МЦНО». 2025.
6. Джигкаев А. Х. Социально-экономические факторы терроризма в Южной Азии: механизмы радикализации и устойчивости сетей // Наука, общество, Инновации: актуальные вопросы современных исследований. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2025.
7. Dzhigkaev A.H. Problems and Prospects of counter-terrorism activities in South Asia // Proceedings of the LIX International Multidisciplinary Conference «Innovations and Tendencies of State-of-Art Science». – Rotterdam, Nederland. 2025.
8. Джигкаев А.Х. Связь сетей джихадистских организаций Ближнего Востока и Южной Азии // Международная научно-практическая конференция: «Ситуация на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Сахаро-Сахельской зоне/ прогнозы развития на 2026 год». – М., ЦНАИ ИВ РАН. 2025.